

Марина
СЕРОВА

Дом трех ВДОВ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Дом трех вдов

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Дом трех вдов / М. С. Серова — «Эксмо»,
2019 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

Убит Кирилл Ганецкий – давний возлюбленный телохранителя Евгении Охотниковой. Она находит его прощальное письмо с просьбой отыскать убийцу и список подозреваемых. Чтобы выполнить последнюю волю покойного, Женя хитростью проникает в его дом, а также пытается заручиться поддержкой всех бывших жен Кирилла, которые совсем не так просты. Вскоре Женя выясняет, что за день до смерти Ганецкого был угнан его «Ягуар» – горячо любимый хозяином автомобиль...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Серова М. С., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марина Серова

Дом трех вдов

© Серова М.С., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Он завещал, чтобы его кремировали, а пепел развеяли над водой.

Река в это день была серо-стальной, мрачной, ледяной даже на вид – не хотелось в нее погружаться ни живому, ни мертвому. Впрочем, ему было уже все равно. А нам предстояло выполнить условие его завещания.

Палуба яхты мерно покачивалась под ногами. Элегантные холеные дамы в трауре и солидные господа провожали Кирилла Ганецкого в последний путь. Все у него было перво-классное – автомобили, трубки, костюмы, жены, яхты.

Вот и этот корабль был зримым воплощением богатства. Не какая-нибудь хрупкая скорлупка с парусом, а солидная металлическая посуда с двумя двигателями, застекленной просторной каютой и вышколенной командой.

Места на палубе хватило всем родным и близким покойного. Таковых насчитывалось двенадцать человек. Не считая меня, конечно.

Тринадцатый гость на этой траурной церемонии, я стояла с фарфоровой урной в руках. Лица присутствующих были бледны до зелени – от холода, качки и печали по усопшему. Или от ненависти к нему?

– Не понимаю, к чему такой странный ритуал! – Голос вдовы номер два взлетел до истерических нот. – Почему нельзя было лечь в землю, как все нормальные люди?! Вот вечно он выделялся!

Родные и близкие старательно отводили взгляды. Всем хотелось побыстрее закончить с неприятной церемонией, но никто не желал первым этого показать.

Я резко выдохнула и сказала:

– Думаю, пора начинать.

Все с облегчением перевели дыхание, задвигались и принялись тихо переговариваться.

Оставалось всего одно, крайне неприятное дело, а потом можно было уйти в тепло стеклянной каюты, протянуть руки к обогревателю. Впереди поминальный обед в лучшем ресторане города – сдержанно, пристойно, достойно дорогого, состоятельного покойного. Нашего общего друга, так его...

Я обвела взглядом лица вдов. Все три не отрываясь смотрели на урну у меня в руках.

– Итак? – поторопила я скорбную тройцу. Вдова номер один подняла глаза к серому небу, едва заметно улыбнулась и кивнула. Вдова номер два резко дернула головой – оставалось принять это за знак согласия. Вдова номер три хлопнула в платочек.

Я прикинула, откуда дует ветер, открыла тугую крышку и одним точным движением высыпала пепел. По моим расчетам, он должен был улететь за корму и растаять над водой в белом пенном следе за яхтой. Но именно в этот момент ветер вдруг резко изменил направление, и пепел полетел прямо на нас. Несколько секунд все стояли, моргая, таращась на почерневшие лица друг друга и пытаясь осознать происшедшее.

Наконец вдова номер два разразилась истерическим смехом. Вынула белоснежный платочек, сплюнула в него хрустнувший на зубах пепел и высказала вслух то, что думали все присутствующие:

– Вот сволочь! Он всегда нас ненавидел...

Глава 1

«Вика, я тебя люблю!!!»

Надпись на ржавой стене гаража была снабжена тремя восклицательными знаками и ужасно раздражала.

Слякотный март только начался, что тоже не улучшало настроения. В марте наш провинциальный городок Тарасов превращается в одну сплошную лужу. Это значило, что о ежедневных пробежках придется забыть надолго. Шлепать по грязи – удовольствие так себе. Мой тренированный организм нуждается в постоянных нагрузках. Если я не бегаю и не тягаю железо в спортзале, начинают ныть суставы, дает о себе знать травмированное когда-то давно при прыжке с парашютом колено, я вспоминаю, что мне уже не восемнадцать, что молодость проходит, а характер мой, и без того сложный и непредсказуемый, становится совсем уж невыносимым... Из затяжной весенней депрессии меня может вывести только работа – тогда я отвлекаюсь, понимаю, что нужна кому-то, в очередной раз осознаю, какой я крутой профессионал в своем деле, – а там, глядишь, все и налаживается.

Но сейчас, как назло, никакой работы не предвиделось. Дело в том, что я, Евгения Охотникова, единственная в нашем городе женщина-телохранитель. Служба в отряде особого назначения «Сигма» осталась в прошлом, сейчас я востребованный профи с неплохим, по провинциальным меркам, доходом и еще более впечатляющим послужным списком.

Чего стоит только одно дело «Цифровой леденец»! А кто, как не я, доставил за границу в целости и сохранности мальчишку-аутиста, по совместительству гения преступного мира? В общем, есть что вспомнить, есть чем гордиться... Но сегодня я сижу у окна в своей комнате, и челюсти мне сводит тоска.

Ночью я вернулась с Ямайки. После золотых пляжей слякотная весна средней полосы нагоняет печаль.

А тут еще эта дурацкая надпись: «Вика, я тебя люблю!!!» Может, выйти и стереть? Надпись появилась вчера – какой-то влюбленный распылил краску из баллончика и увековечил свою любовь к Вике, скорее всего, такой же дурочке, как и он сам. Все влюбленные – идиоты. Почему я должна смотреть на это? Ядовито-зеленая краска портит мне весь вид из окна! Но так неохота натягивать кроссовки и тащиться во двор...

Решительным жестом я задернула занавеску и тем самым устранила проблему, хотя бы на время.

Признайся себе, Охотникова, – тебя так раздражает эта безобидная надпись, потому что у тебя самой на любовном фронте затишье. Да, знаю, есть на свете человек, который, стоит мне только поманить, прыгнет в самолет и примчится ко мне, готовый разделить мою жизнь, носить меня на руках и вытирать сопли нашим общим детишкам. Вот только я к этому не готова. Моя профессия, моя налаженная приятная жизнь, да что там – моя свобода мне дороже всего на свете.

Слишком высокую цену мне пришлось за нее заплатить.

Телефон зазвонил внезапно, оторвав меня от воспоминаний. «Джама-а-айка!» – завопил Робертино Лоретти. Так, отпуск закончился, надо бы сменить рингтон.

– Охотникова, – бросила я в трубку.

– ...сволочь, дрянь! – донеслось до меня издалека. – Радуйся, ты своего добилась! Он умер. Его убили.

– Простите, с кем я говорю? – осторожно спросила я, отводя телефон подальше от уха. Может быть, кто-то просто-напросто ошибся номером и поток ругани предназначался не мне?

– Охотникова, мало того что ты идиотка, каких поискать, так у тебя еще и со слухом проблемы? – надрывался хриплый женский голос.

– Добрый вечер, Ника, – устало вдохнула я. Надо же, а я надеялась, что больше никогда не услышу эти характерные интонации торговки на Привозе...

– Ни хрена не добрый, – со злым торжеством проговорила моя давняя знакомая. – Киру убили.

Я не стала задавать дурацких вопросов: «Ты уверена? Это точно?», восклицать: «О нет, не может быть!»

Мое сердце пропустило два удара. Потом я откашлялась и задала единственный вопрос:

– Кто это сделал?

Да, знаю, можно было спросить «Когда?» или «Как это случилось?». Но у меня еще будет время выяснить это. А пока о главном.

Вопрос был предельно простым, но поставил мою собеседницу в тупик. Ника замолчала и молчала долго – минуты две. Я терпеливо ждала. Если эта женщина решилась позвонить мне после трех лет молчания, значит, у нее есть веская причина для этого.

Наконец у Ники нашлись слова:

– Знаешь, Охотникова, когда я смогу ответить на этот вопрос, то сама задушу гада голыми руками.

– Зачем звонишь?

– Слушай, неужели ты не в курсе? – поразилась Ника. – Весь город гудит. Только об этом и говорят.

– Я только что вернулась. Зачем звонишь?

– Стерва ты, Евгения, – мирно сказала женщина. – И что Кира в тебе нашел?

– М-м, давай подумаем. Модельную внешность и чуткую душу?

Ника еще помолчала, потом устало проговорила:

– Звоню, чтобы позвать тебя на похороны.

– Да ты с ума сошла? – вскипела я. – Там и так будут три вдовы! Только меня не хватало. Тогда уж зови всех – эту, как ее... балерину, и ту, заводчицу бульмастифов, и училку из гимназии... Список получится длинный.

– Знаешь, я всегда тебя ненавидела, – вздохнула женщина.

– Спасибо, я в курсе, – усмехнулась я. Боль копошилась где-то в районе сердца, но я чувствовала себя как будто под анестезией. Больно будет потом.

– Дай сказать. Ненавидела, потому что знала – ты для Кирилла особенная. Не такая, как эти.

– Так, давай заканчивать, – жестко проговорила я. – Позвони как-нибудь потом. Предатимся воспоминаниям. Сейчас, извини, не могу.

– погоди, не бросай трубку! – заторопилась Ника. – Ты не поняла – это просьба Киры. Он хотел, чтобы именно ты развеяла его пепел над Волгой.

– Он хотел... что? – Я не поверила своим ушам.

– Кирилл оставил четкие указания, как поступить в случае его смерти, – терпеливо пояснила женщина. – Ты же его знаешь. Каждую мелочь просчитал. Завещание оставил, все как полагается. И распоряжения. Все в юридической фирме «Басов и Ларионов».

– Солидная контора, – поневоле признала я.

– Кира Ганецкий признавал только все самое лучшее! – с некоторой гордостью сообщила Ника. – Так что нам ничего не оставалось, как сделать все точно по инструкции.

– Что... сделать? – осторожно поинтересовалась я.

– Как только нам выдали тело, мы Киру кремировали, – деловито сообщила Ника. – Он сам так хотел. Осталось выполнить его последнюю волю – развеять прах над водой.

Перед глазами возникло лицо Ганецкого – неправильное, но обаятельное, похожее на морду добродушного льва, с желтовато-зелеными глазами навывкате, сочными чувственными губами. Не могу поверить, что никогда больше не увижу его.

– Ну так развеите, – холодно сказала я.

– Ты снова не поняла. Кирилл четко оговорил, что поручает это тебе. Никому, кроме тебя, доверить это он не хотел.

Как будто стальное кольцо сжало мне горло.

– Я приду, – прохрипела я в трубку и прервала связь.

Вот так и получилось, что нехстати налетевший порыв ветра засыпал пеплом не только трех вдов и нескольких друзей Кирилла Ганецкого, но и меня, Евгению Охотникову.

Кстати, урну дорогой покойник завещал мне.

Наверное, потому, что точно знал – я бы от него и копейки не взяла, ржавой скрепки не приняла бы в подарок после всего, что было...

Но урна – дело другое.

На поминки я не поехала. Не желаю сидеть в компании незнакомых или, того хуже, знакомых, но малоприятных мне людей и обсуждать умершего. Ганецкий, конечно, редкостная скотина и со мной поступил по-свински, но было время, когда я любила этого человека.

Я засыпала рядом с ним и просыпалась счастливая. Мы вместе жили, вместе путешествовали. Кирилл был, что называется, «человек-праздник». Он умел сделать жизнь... необычной. Интересной. «Серые будни» с ним становились вовсе не серыми.

«На большом воздушном шаре мандаринового цвета мы с тобой проводим это лето...» Наше лето длилось почти два года.

Мы познакомились на приеме – загородный дом, гости в легких вечерних нарядах. Я была «при исполнении» – сопровождала клиента. Разумеется, я не стала надевать берцы и камуфляж, а изображала спутницу охраняемого объекта. На мне был белый брючный костюм, при себе имелся пистолет в сумочке. Поскольку я пришла сюда не отдыхать, а работать, то весь вечер я сканировала периметр и обращала мало внимания на гостей – я знала, что чужих тут нет, все приглашенные – друзья хозяина, а значит, опасность с их стороны моему клиенту не угрожает. Мой охраняемый объект веселился вовсю, флиртуя с хозяйкой дома и другими дамами, а я бдительно следила за тем, кто подходит к нему.

На таких мероприятиях я обычно беру бокал с шампанским, чтобы не выделяться из толпы, и медленно перемещаюсь, следя, чтобы объект всегда оставался в поле моего зрения.

Но в этот раз привычный распорядок был нарушен. В середине вечера кто-то вынул из моей руки бокал с выдохшимся шампанским и протянул мне свежий. Я отметила белоснежный манжет и рубиновую запонку.

– Вам не стоит это пить, – произнес негромкий мужской голос. – Кроме того, такая красивая гостья не должна скучать одна. Кто вы, прекрасная незнакомка?

Я закатила глаза и тяжело вздохнула. Ну почему мне мешают работать?

Я обернулась с намерением быстренько отбрызнуть непрошеного ухажера – и встретила ироничный взгляд желто-зеленых львиных глаз.

Мы поговорили минут пятнадцать, потом я извинилась и растворилась в толпе гостей. Той же ночью отвезла клиента в аэропорт, а когда подошла к своей машине, в ней уже сидел он. Кирилл Ганецкий.

Мы вернулись в сад. Гости разъехались, и мы были совсем одни в его загородном доме. Мерцали разноцветные фонарики на деревьях, сонно колыхался пруд, и шампанского оставалось целое море... Так начался наш роман.

Я влюбилась в этого человека – насколько я вообще способна любить. Потеряла голову. Отказывалась от работы, от выгодных контрактов. Сопровождала Ганецкого в деловых поездках и была его спутницей в путешествиях.

При этом розовые очки сползли с моих глаз довольно скоро. Я знала, что Кирилл женат. Супруга его – та самая Ника, что сообщила мне о его гибели, – отличалась склочным характером и порядком отравляла нам жизнь. Кирилл клялся, что находится в процессе развода,

что у них со второй супругой давно нет ничего общего. «Второй?!» – наивно переспросила я. Оказалось, у любвеобильного бизнесмена имелась еще первая жена. По счастью, не такая активная, как спортивная Ника.

«Может, у тебя и детишки есть? Скажем, трое-четверо?» – холодея от предчувствия, спросила я Ганецкого. Но детей у него не было. Может, именно это не давало ему остепениться, создать прочную семью? Кирилл как будто все время чего-то искал. Я тешила себя иллюзиями, что во мне он это «нечто» нашел. Ха-ха. Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно.

Только потом я узнала, что романы Ганецкого длятся в среднем месяцев шесть. Путешествия, яхты, коллекционное вино, невероятные подарки ко дню рождения – и вот через полгодика наступает охлаждение. Красавец, похожий на льва, попросту теряет интерес к той, кого с таким трудом завоевывал.

Я ушла сама, как только поняла, что происходит. Всего одна ночь вне дома, всего одна ложь, пара сброшенных телефонных звонков – и я собрала сумку и вернулась к тетушке Миле, у которой жила со дня приезда в провинциальный Тарасов.

Ганецкий был обижен – с ним никогда еще так не поступали! Он выслеживал меня, подстерегал, звонил, присылал букеты из двух сотен роз... все напрасно. Не могу сказать, что расставание далось мне легко. Из кризиса меня вывело проверенное средство – работа. Я уехала в Исландию искать наследницу, а когда вернулась, Ганецкий был счастливо женат на дуре номер три. Эта грудастая девица отличалась поразительным аппетитом и не менее удивительной глупостью. Мне даже не было обидно, что Кира, как называли его все три жены, променял меня на эту деревенщину.

Кстати, в нашем городе Ганецкий был не последним человеком. Помимо того, что его успешный бизнес приносил немалые доходы и кризисы обходили его стороной, Кирилл Ганецкий был для многих значимой фигурой.

Этот человек сразу же становился центром любой компании. На нем были завязаны деловые, личные и дружеские связи. Обманчиво добродушный, обманчиво беззаботный, Ганецкий умел быть жестким. Думаю, многие были им недовольны. Но чтобы убить?

Вернувшись домой с похорон, я первым делом тщательно умылась, потом достала из бара бутылку хорошего коньяка, нацедила рюмочку и уселась в своей комнате. Тетушка заглянула ко мне и тактично удалилась. Мила, разумеется, была в курсе случившегося. Тетя прекрасно помнила и Ганецкого, и наш с ним роман.

Да, знаю, о мертвых либо хорошо, либо ничего. Я благодарна Кириллу за все хорошее, что у нас было, но не могу простить и тем более забыть все плохое. Так что сейчас я выпью рюмочку, потом, возможно, еще одну и пойду спать. А завтра... завтра все это станет вчерашним днем.

Да, я буду еще какое-то время горевать по моему ветреному возлюбленному, но рано или поздно боль утихнет, и я забуду Кирилла Ганецкого. Рано или поздно всех забывают.

Вторая рюмочка не понадобилась. Я решила, что одной вполне достаточно. Свой долг перед Ганецким я выполнила, совесть моя чиста. Спокойной ночи.

Телефонный звонок нарушил уютную тишину квартиры. Я поспешно схватила ерзающую по столу трубку, пока «Джамайка» не разбудила Милу.

– Жень, не спишь? – как ни в чем не бывало поинтересовалась Ника Ганецкая.

– Сплю, – мрачно сообщила я. – Десятый сон вижу. Чего тебе?

– Злобная ты, Женька! – хмыкнула вдова номер два. – Я к тебе по-человечески...

– Знаешь, я еще не забыла, как ты мне под дверь коробку с экзотическими тараканами подбросила, – припомнила я старое, – а кто меня в аэропорту краской облил? А кто по три раза в день ко мне пожарных вызывал?

Ника довольно засмеялась.

– Ой, ну прости. Я так Киру любила, так ревновала к тебе.

– Насколько я помню, когда мы с ним познакомились, вы уже начали процедуру развода.
– Не по моей инициативе. – Мне показалось или Ника всхлипнула? – Я ведь его любить так и не перестала. И сейчас люблю.

– Так, всё! С меня хватит! – разозлилась я не на шутку. – Найди кого-нибудь другого, чтобы плакать на плече. Ты мне не подруга.

– Да у тебя вообще подруг нету! – радостно сообщила вдова.

– Да, нет. А знаешь почему? Потому что в каждой женщине притаилась змея. И рано или поздно она высунется и ужалит. А с мужиками таких проблем не бывает, поэтому у меня куча друзей, но ни одной подруги. Дальше что? Может, социологический опрос проведешь? Ты не стесняйся, времени у меня полно.

– Зачем ты так, Женя, – обиделась Ганецкая. – Я тебя хотела в гости пригласить. Думала, посидим, водочки выпьем. Поплачем вместе.

– Поплачем?! – изумилась я. – Ты меня с кем-то спутала. И кстати, перестань называть меня Женькой. Значит, так. Давай разьясим все раз и навсегда. Я на тебя зла не держу. И горю твоему сочувствую. Знаю, как много Кирилл для тебя значил. Но сегодняшней церемонии мне хватило. Это все. Больше я с вашей семейкой дела иметь не намерена. Не звони мне никогда. Всех благ.

И я прервала связь.

«Джама-а-а-айка!!!»

Я схватила телефон, пылая праведным гневом. Так, если это Ника, сейчас она у меня получит!

– Слышь, подруга, помоги. Трубы горят, – доверительно сообщил мне прокуренный мужской голос.

С минуту я сидела, моргая и пытаюсь сообразить, кто бы это мог быть. Мой собеседник никуда не торопился, терпеливо ожидая ответа. Наконец я догадалась:

– Коваль, ты?

– Привет! – Я прямо-таки видела небритую физиономию, расплывшуюся в довольной ухмылке. – Узнала, да?

– Узнала, – вдохнула я. – Чего тебе, Сергей?

– Так это... ты ж знаешь. Приезжай, а?

– Слушай, Сергей, давай завтра утром, а? У меня был тяжелый день, – честно призналась я.

Мой собеседник немного покряхтел. Совесть боролась в нем с желанием выпить. Наконец второе победило – как обычно.

– Не могу я ждать, – виновато произнес Коваль. – Трубы горят. Не дожить мне до утра.

Чего я не выношу – это когда мной пытаются манипулировать. В «Сигме» меня напрочь отучили испытывать жалость к себе самой. Вот перед тобой задача. А ты – инструмент для ее выполнения. Умри, но сделай.

Конечно, окружающих я жалею – я же не какой-то социопат. Дети, старики... а Коваль, пожалуй, достоин жалости ничуть не меньше. Но он же мужик! Как можно так опускаться!

К тому же Сергею требуется вовсе не медицинская помощь. Ему просто хочется выпить. И то, что он хронический алкоголик, дела не меняет.

– Да пошел ты! – в сердцах сказала я. – Доживешь, никуда не денешься. Дождешься меня как миленький. Приеду к восьми. Чао.

Я швырнула телефон на кровать и подошла к окну. «Вика, я тебя люблю!!!» – дурацкая надпись горела в темноте. Видимо, флуоресцентная краска. Да что же это такое?! Я задернула шторы и уставилась на телефон. Давай, звони... Но трубка молчала.

Я вздохнула и начала одеваться. Джинсы, старый свитер, куртка для загородных пикников. Все равно одежду придется стирать. В берлоге Ковалья такой запах, что им моментально пропитывается вся одежда. Ничего, выстираю.

Когда я обувалась, из своей комнаты выглянула Мила:

– Женечка, ты куда? Уже так поздно...

– Ой, ладно, – с досадой огрызнулась я, – всего одиннадцать часов! Я не ребенок, не ромашка на лугу. Ты же знаешь, я могу за себя постоять. И не надо меня контролировать!! – заорала я.

Мила пожала плечами и тихо проговорила:

– Я ничего такого не имела в виду... Возвращайся скорее.

– Не жди меня, ложись спать, – бросила я и пулей вылетела из квартиры, чувствуя себя чрезвычайно гадко. Мила уж точно не виновата в моих проблемах. Надо будет как следует попросить прощения...

Мотор моего «Фольксвагена» завелся сразу. Как многие автовладельцы, я иногда разговариваю со своим железным конем как с живым существом. Вот и сейчас, выкручивая руль, чтобы выехать со стоянки – водители уже забили выезды, припарковав свои тачки на ночь, – я жаловалась:

– Нет нам с тобой покоя ни днем ни ночью. Все люди как люди, а я... Ну вот почему я все время ввязываюсь в какие-то истории? Больше всех мне надо, что ли?

Я выехала со двора и покатила в ночь, продолжая ныть и жаловаться:

– Нет, ты подумай, вот и Коваль сел мне на шею. Звонит в самое неподходящее время. Денег просит. Мне денег не жалко, но он ведь во мне не человека видит, а видит дойную корову. Ненавижу, когда меня используют! И кстати, вполне бы мог дожждаться утра. Но не могу же я его вот так бросить? Инвалид ведь. И вообще мужик неплохой.

Затормозив у круглосуточного супермаркета, я основательно нагрузилась едой. Прихватила бутылку водки и блок сигарет. Подумала – и прикупила моеющее средство, швабру и освежитель воздуха.

Загрузив пакеты в машину, я уселась за руль и подвела итог своему нытью:

– Ввязалась, так терпи!

Дом Ковалья – одноэтажный, деревянный, с запущенным садом – стоял в окружении многоэтажек. В нашем городе кое-где сохранились островки такой застройки. Иной раз завернешь за угол высотки – а там деревня деревней! Сирень, немощеная дорога... Провинция, в общем.

Я потянула на себя скрипучую калитку. Двор был невероятно запущенным – из рассыпанной собачьей будки свисал обрывок железной цепи, на которой прежние хозяева держали собаку. И это при том, что Коваль переехал в этот дом около года назад.

Я постучала в деревянную дверь и вошла, не дожидаясь ответа.

– А-а, явилась все-таки! – раздался веселый голос в районе моих коленей.

– Явилась. Скотина ты, Сергей, – устало проговорила я, опускаясь на корточки. Только так можно было нормально беседовать с хозяином дома – в одной из «горячих точек» Коваль потерял обе ноги выше колена. Передвигался Сергей на тележке, отталкиваясь парой специально сделанных упоров для рук. При случае он мог развивать вполне приличную скорость.

– Я тоже рад тебя видеть, – ухмыльнулся мужчина. Судя по его багровому лицу и благодушному настроению, Коваль уже успел решить проблему горящих труб и где-то раздобыл выпивку. Значит, можно было и не спешить, не нестись сюда на ночь глядя. Но я только вздохнула. Сердиться на Ковалья было невозможно – так же, как верить его словам и вести с ним какие-то дела. Распад личности, вызванный неумеренным потреблением алкоголя, шел полным ходом и зашел слишком далеко. Мне было жаль этого нестарого еще мужика, но поделаться тут было ничего нельзя.

Я принялась выкладывать еду из пакетов на замусоренный стол. При виде бутылки бывший военный оживился и подъехал поближе. Я принялась, решительно подошла к окну и потянула на себя некрашеную раму.

– Слушай, Сергей, чем у тебя так воняет? Насколько я знаю, еды ты дома не держишь, ничего не готовишь. Домашних животных у тебя нету.

– А, это бычки! – отмахнулся хозяин.

Я принялась сгребать в пакет окурки из многочисленных консервных банок. Пахло и правда омерзительно. Я собрала пустые стаканчики от растворимой картошки и китайской лапши. Коваль наблюдал за мной, усмехаясь.

– Ты когда последний раз ел? – спросила я.

– Вчера? – предположил бывший военный юрист.

Сжав зубы, я продолжила расчистку. Вскоре на столе появилось свободное место. Я застелила его газетой. Ополоснув пару тарелок, я принялась за изготовление бутербродов. Кулинария – не мой конек, но сойдет.

– Давай подарок-то, – попросил хозяин дома.

– Сначала давай поедим, – поставила я условие. – Все, большего от меня не дождешься. Бутерброды – предел моих кулинарных талантов.

Коваль дернул щекой, но промолчал. Уже успел неплохо меня изучить. Недовольно поглядывая на пакет, в котором лежала бутылка, Сергей подъехал к стулу, ухватился за сиденье и вдруг одним резким движением подтянулся. Руки у него очень сильные. Миг – и вот уже на стуле напротив меня сидит вполне обычный, только слегка нетрезвый человек.

Я пододвинула ему упаковку йогуртов. Сергей нехотя взял ложку и начал есть. Последний раз он вспоминал про еду вчера. А если бы я не приехала?

Вскипятив чайник, я разлила по чашкам кирпично-красный и очень сладкий чай.

– Ты обещала, – с угрозой в голосе протянул Коваль.

– Я тебя обманула, – без улыбки ответила я. – Извини, бухать будешь, когда я уеду. Поговорить надо.

– О чем? – неприятным тоном осведомился Коваль.

– Ты зачем домработницу выгнал? Хорошая была тетка. За очень небольшие деньги была готова наводить тут порядок. Еду состряпать, опять же.

– Она меня раздражала, – ухмыльнулся инвалид. – Командовать тут начала. В доме не кури, поди умойся... мальчик я, что ли?

Да, это нам знакомо. Общаясь с инвалидом, люди порой переходят черту допустимого, даже не понимая, как обижают человека.

Коваль был болезненно обидчивым. Малейшее проявление неуважения – или того, что ему таковым казалось, – и Сергей бросался в атаку.

– Ладно, – признала я правоту Ковалья, – а пацанов из «Шурави» зачем выставил за дверь?

С месяц назад я пообщалась со своими приятелями – бывшими «афганцами», рассказала им про Ковалья. Он обещали навестить и обещание исполнили, но про визит к Сергею говорили неохотно, и я поняла, что все закончилось как обычно.

– Да я их в первый раз вижу, – скривился Коваль. – Если они инвалиды и я тоже, это не повод для знакомства, ясно тебе?

– Ясно. А протезы твои где?

Мужчина виновато отвел глаза и протянул:

– А... это... валяются где-то... Натирают они. Я к ним не привык.

– Да что ты?! А до меня дошли слухи, что ты их продал. Точнее, пропил.

Коваль широко улыбнулся, демонстрируя отличные зубы:

– Было дело.

Тут я поняла, что моему терпению есть предел. Два месяца назад я оплатила Сергею отличные протезы. Дешевые, положенные ему бесплатно от государства, никуда не годились. А эти, я надеялась, заставят Сергея встать с тележки и попытаться как-то устроить нормальную жизнь.

– Было дело?! Ну ты даешь! Интересно, где ты нашел покупателя? И кстати, они были сделаны по индивидуальному заказу.

– Мне нужны были деньги, – пожаловался Коваль и умильно посмотрел на меня. Но я уже знала: денег ему давать ни в коем случае не следует. Это может очень плохо кончиться.

Сергей прихлебывал чай, поглядывая на меня с усмешкой. Чувство юмора у него было специфическое. И еще – у меня каждый раз возникало ощущение, что он видит меня насквозь. Все мои тайные мысли, самые легкие проявления недовольства...

Самым простым было встать и уйти. И никогда не возвращаться в этот пропахший дешевым куревом дом.

Но я чувствовала, что отвечаю за этого человека. Год назад я спасла ему жизнь. Сергей Валентинович Коваль появился в Тарасове больше года назад. Приехал откуда-то – то ли из Краснодара, то ли из Красноярска, это так и осталось тайной. Он был совсем один. И деньги у него были – сразу по приезду Коваль купил квартиру в хорошем районе, нанял подходящую домработницу. Видимо, она-то и навела на одинокого инвалида черных риелторов.

Они забрали Ковалья из дома, увезли к себе и довольно долго прессовали. Им было нужно, чтобы мужик подписал документы. После этого его можно было устранить – несчастный случай с электричеством или в ванной, и нет проблем.

Коваль держался долго, а потом сдался. Видимо, решил, что пусть убьют, только быстро. Он сказал, что подпишет бумаги. Его вымыли, накормили, одели в костюм.

Ошибка тех уродов была в том, что они повезли Ковалья в нотариальную контору. Видимо, решили, что он сломался окончательно и не представляет опасности.

Я зашла к нотариусу по делу и сидела в приемной. Живописная группа из двух амбалов и инвалида сразу привлекла мое внимание.

Следующим, что я заметила, были израненные запястья Ковалья и след от сигареты на тыльной стороне его ладони. Мне уже приходилось видеть такое.

И еще взгляд. Сергей смотрел на меня не отрываясь и молчал. Надежды в его глазах не было. Подумаешь, какая-то посторонняя женщина. Чем она может помочь?

Вот тут он ошибся.

Я дождалась, когда они покинут контору, зашла к нотариусу – давнему знакомому – и выяснила подробности сделки. Потом села в свой «Фольксваген» и проследила троицу до пригородного лесочка. Там уже была заботливо выкопана могила.

В нее и лег один из черных риелторов. Кстати, это была самооборона. И даже без превышения допустимого. Он на меня с ножом пошел, что мне было делать?

Второй убрался восвояси со сломанной в трех местах рукой и строгим наказом забыть о существовании Сергея Ковалья.

Чтобы подкрепить наказ, я забрала у мужика паспорт, который он предусмотрительно захватил, собираясь в нотариальную контору.

Больше Сергея никто не беспокоил.

Квартиру он вскоре продал – сказал, что все равно не сможет там жить, и купил вот этот дом, мотивируя это тем, что не нужно подниматься и спускаться по лестнице – открыл дверь, и ты дома.

И к домработницам с тех пор Сергей Валентинович относился крайне подозрительно.

Говорить о себе Коваль не любил. Все, что я знала о нем, я выудила из обрывочных рассказов и случайных оговорок.

Сергей был военным юристом. Командировка в Чечню закончилась трагедией – вертолет рухнул в ущелье, Коваль выжил, но остался инвалидом.

Вернулся – и его налаженная жизнь расплзлась по швам. Жена заявила, что еще молода и хочет пожить, из чего следует – дороги их расходятся, тем более у нее уже есть один человек... Вот тут Коваль запил. Полгода прошло как в тумане. За это время супруга успела не только развестись с ним, но и поделить совместно нажитое имущество так, что Ковалю достались только деньги, да и то невеликие. Хорошо хоть детей у них не было.

Не в силах выносить жалости общих друзей и прежних коллег, Коваль решил начать жизнь с чистого листа и переехать в другой город. Ткнул окурком в карту – и попал в Тарасов. Здесь Сергей оказался совершенно один, без друзей и знакомых. Чем закончилась жизнь на новом месте, уже известно.

Мы допили чай, и я взялась за швабру и бутылку с моющим средством. Но тут, как говорится, нашла коса на камень.

– Убери немедленно, – приказал Коваль, и по его тону я поняла, что он не шутит.

– Да ладно, слушай, чего ты, давай я немного приберусь...

Инвалид недобро глянула на меня и холодно сказал:

– Знаешь, вообще-то это мой дом. Давай-ка ты не будешь здесь распоряжаться.

Я поставила швабру в угол.

– Как хочешь. Ладно, час поздний, я поеду. Вот твой презент.

Я выставила бутылку на край стола, так, чтобы Коваль мог ее достать.

– Скатертью дорожка, – хмыкнул инвалид.

Я подошла к двери и взялась за ручку. Обернулась. Сергей сидел за столом, смотрел в окно, за которым ничего не было видно.

– Слушай, давай тебя в больничку устрою? – предложила я, уже зная, что услышу в ответ.

И точно: Коваль усмехнулся уголком рта и спросил:

– И что, там мне пришьют новую жизнь?

Вернувшись домой, я открыла дверь, стараясь не разбудить тетушку. Но Мила, как оказалось, не спала – ждала меня, клевала носом над очередным детективом, до которых была большая охотница.

– Вовсе не обязательно было меня дожидаться! – сердито сказала я, входя в гостиную. Мила ничего не ответила, и я поняла, что тетя все еще обижается.

Но сил на выяснение отношений у меня не осталось.

– Знаешь, русская народная пословица гласит, что утро вечера мудренее, – мрачно сообщила я. – Предлагаю проверить на практике. Спокойной ночи.

Я закрыла за собой дверь комнаты и включила свет.

Первым, что бросилось мне в глаза, была урна.

Я вспомнила то, что прочла в Интернете про убийство Кирилла. Ганецкий был застрелен двумя выстрелами поздним вечером позади собственного дома. Его нашли на бетонной дорожке, ведущей к дому от гаража. Он пролежал там всю ночь.

Я больше никогда его не увижу. Не смогу выяснить отношения, вывалить на него претензии, которые так и не успела озвучить. Все, что у меня осталось, – вот эта урна. Хреновина с ручками, похожая на ночной горшок.

В бессильной ярости я швырнула свое наследство об стену. Миг – и фарфоровая штука-вина с ручкой валялась на полу, разбитая вдребезги.

Я почувствовала, как щиплет в глазах. Ну вот, теперь у меня вообще ничего не осталось от Кирилла Ганецкого – не считая воспоминаний, конечно.

Может, это и к лучшему? Ведь каждый раз при виде фарфорового сосуда, который завещал мне покойный возлюбленный, я бы испытывала отрицательные эмоции. А так даже лучше. Воспоминания постепенно развеются, как пепел над водой.

Я присела, собирая черепки. В груди фарфора что-то белело. Я подняла с пола лист бумаги, свернутый в трубку и перевязанный синей лентой. Это еще что такое?!

Я развязала ленту, и лист развернулся у меня в руках. Я увидела четкие буквы и мгновенно узнала знакомый почерк. Я держала послание от Кирилла Ганецкого.

«Меня убили. Если ты это читаешь, значит, они до меня добрались. Женя, ты единственный человек, кому я могу доверять. Найди того, кто это сделал. Найди его. Или ее. Ты умеешь. Вот список тех, кто заинтересован в моем устранении (далее шли ровные колонки имен). Знай, что из всех женщин в моей запутанной жизни я любил по-настоящему только тебя одну».

Я уронила письмо на пол и задумалась.

Как это похоже на Кирилла – не смириться с таким неудобством, как собственная смерть, а продолжать и с того света руководить расследованием своего убийства!

Я пробежала глазами список. Что ж, есть над чем задуматься. В этом списке кого только нет – многочисленные жены, партнеры по бизнесу, друзья и однокашники... Мое имя, конечно, не упомянуто. И зря. Думаю, у каждого из людей в этом списке есть причины сердиться, обижаться или ненавидеть Кирилла. Как и у меня. Кого же «дорогой покойник» достал больше всех? Кого обидел настолько, что этот человек перешел от слов к делу?

Однако какой оригинальный способ доставить мне послание! Да, такая проделка вполне в духе Ганецкого.

Видимо, свернутая в трубку записка была вложена в урну, узкое горлышко не позволяло ей выпасть. А когда урна разбилась... Теперь ясно, зачем Ганецкий оставил мне такое странное наследство!

Позвольте, но ведь не сам же покойник подложил записку в урну?!

Значит, на свете есть по крайней мере один человек, который может рассказать мне, что все это значит.

А может, записка Ганецкого – очередная мистификация, на которые он был мастер? И Кирилл жив? Сидит где-нибудь и посмеивается, глядя, какая поднялась суматоха?

Глава 2

Остаток ночи я провела без сна. Перед глазами у меня то и дело возникало лицо Кирилла. Вот он стоит на палубе красавицы яхты, ветер треплет его длинные волосы. Волосами Ганецкий гордился и ухаживал за ними, к слову, куда тщательнее, чем я за своими. А вот красавец мужчина подает мне руку – мы спускаемся по трапу самолета, Париж встречает нас фирменным серо-серебристым светом, раннее утро, мы прилетели на романтический уик-энд. Ганецкий не только любил, но и умел жить. В его компании даже поход с рюкзаками превращался в полное романтики приключение – однажды было и такое, и даже злобные комары не смогли испортить мне приятных воспоминаний.

Кирилл брал от жизни только лучшее, причем легко, не задумываясь, как человек, который убежден – он имеет на это право. Ганецкий разбирался в винах так, как никто из моих знакомых. Ценил хорошую кухню – без учета национальных различий. Мог, впервые оказавшись в незнакомом городе, зайти в первое попавшееся заведение – и тут же оказывалось, что это лучший в городе ресторанчик «для своих», о котором знают только местные. Ганецкий любил быстрые яхты и качественные автомобили. Часто менял марки машин, оставаясь верным только одной – своему обожаемому «Ягуару».

Дорогие костюмы и часы, ботинки и белье, сигареты и сигары, парфюм и средства для ухода за собой, любимым, – все у него было лучшего качества.

О женщинах я уже не говорю.

И вот теперь этот человек, любящий жизнь, любимый судьбой, убит. Застрелен в темном переулке. Два выстрела – один в голову, другой в сердце.

За окном слегка посветлело. Поняв, что все равно не засну, я натянула спортивный костюм и приоткрыла окно. Холодный мартовский ветер остудил мою голову. Стало немного легче.

Может быть, все дело в том, что я не видела Ганецкого убитым? Все, что мне досталось, – урна с безымянным прахом.

И тут меня снова пронзила прежняя мысль: а что, если Кирилл инсценировал собственную смерть? Что, если нашел какого-нибудь, к примеру бомжа, похожего на себя, и подставил?

Да, знаю, звучит не слишком правдоподобно. Так поступают в кино, в глянцевах многоцветных блокбастерах. А в жизни все выглядит куда прозаичнее: смурная небритая личность в темном переулке, два не слишком точных выстрела – и вот блестящая жизнь нелепо оборвана...

Но дело в том, что Ганецкий – один из немногих людей, кому по силам такая мистификация.

Помню, однажды он разыграл нашу общую знакомую. Надоедливая дама любила, явившись без приглашения в гости, шарить по ящикам стола и проверять содержимое шкапулок.

Кирилл дождался ее очередного визита, а вскоре извинился и вышел. Соскучившись, дама принялась за любимое занятие. Через три минуты непрощенная гостья тихо покинула дом с тем, чтобы никогда в него не возвращаться. Дама выскользнула тихо, как мышка, сумочку судорожно прижимала к груди, а глаза у любопытной гостьи были безумные.

Кирилл от души хохотал, показывая мне реквизит, который приготовил в ящике стола специально для гостьи: там были окровавленные отрезанные пальцы и пара глазных яблок. Ганецкий купил все это в магазине приколов. С тех пор эта знакомая исчезла с нашего горизонта...

Я взяла записку и еще раз перечитала. Нет, я не верю, что убили именно Кирилла. А что, если бизнесмен чувствовал, что его жизни угрожает серьезная опасность, и подстраховался?

Не зря же он мне пишет: «Если ты это читаешь, значит, они до меня добрались». Получается, он чувствовал опасность? Кто такие «они»? Кириллу кто-то угрожал? Ганецкий знал, откуда ждать удара? Если знал, то почему выразился так туманно? Почему просто не назвал имя того, кого опасался?

И вот теперь мне предстоит принять решение. Я могу сделать вид, что никакой записки не находила. В конце концов, если бы урна не разбилась по чистой случайности, это было бы правдой. Я поставила бы фарфоровый сосуд на полку и раз в год бережно вытирала бы с него пыль. Могло такое быть? Вполне.

Неужели Ганецкому было не важно, как быстро я найду его послание? Или если бы я не разбила урну, то получила бы, к примеру, письмо по почте?

Я не строю иллюзий – связи с потусторонним миром не существует. Никаких спиритических сеансов – сплошное шарлатанство. Никаких посланий с того света. Ведь не сам же Ганецкий подложил записку в урну с собственным прахом. Есть человек, посвященный в детали этой истории. Именно он – ключ ко всему. Когда я его найду, то узнаю правду. Узнаю, что случилось на самом деле.

Стоп, Охотникова! Ты, кажется, уже начала расследование?

Вспомни, как поступил с тобой этот человек. Вспомни, как вы расстались. Не забыла, сколько слез пролила ты, не имеющая привычки плакать, кроме как от злости?

Но не могу же я оставить все как есть? Кирилл обратился ко мне с просьбой. Последнюю волю умершего я просто обязана выполнить!

А ты уверена, что он мертв? Вполне возможно, Ганецкий использует тебя как пешку в своих играх. Ты будешь бегать, землю носом рыть, как ты это умеешь, поднимешь на уши весь город. Может быть, даже найдешь злодея. А Кирилл будет сидеть в безопасном месте и потешаться, наблюдая за тобой...

Да, и я буду очень этому рада! Если выяснится, что мой коварный возлюбленный жив, я согласна таскать каштаны из огня даже голыми руками!

Вот так я и приняла решение. По натуре я человек прямой и незамысловатый. Всяческие терзания и сделки с собственной совестью мешают мне жить. Но уж когда я точно знаю, что мне делать, тогда все в порядке.

Так что я дождалась рассвета и отправилась на пробежку, несмотря на все капризы погоды.

В восемь часов просыпается Мила, так что на обратном пути я завернула во французскую кондитерскую, куда как раз привезли свежие пирожные.

Когда тетушка, протирая глаза, явилась на кухню за первой чашечкой кофе, ее ждал полный ассортимент магазина: птифуры, эклеры, миньоны и профитроли с кракелюрами.

– Ой, Женя! Какая прелесть! – тетя всплеснула руками. Она ужасная сладкоежка, только стесняется это признать. И нет лучшего способа проложить путь к ее сердцу, чем коробочка пирожных.

– Это я подлизываюсь, – честно сказал я. – Прости, вчера я вела себя по-свински.

– Ты же знаешь, я на тебя не сержусь, – отмахнулась Мила, но я видела, что мои извинения ей приятны.

Мирно попивая кофе, мы беседовали о всякой чепухе. И только когда я сполоснула чашки и поставила их в сушилку, Мила тихо произнесла:

– Я все понимаю, Женечка. Я знаю, ты любила этого человека. А он повел себя непорядочно...

– Непорядочно? Какая ты старомодная, тетя! – усмехнулась я совсем невесело.

– Да, это слово слышу очень редко. Но посмотри сама – как он поступил со всеми своими женами? И эта глупенькая девочка, его третья и последняя жена?

– А ты откуда ее знаешь? – подозрительно спросила я. Вот уж не думала, что Мила в курсе личной жизни Ганецкого!

– Валентина Фердинандовна делает брови у нее в салоне, – призналась тетушка.

– Где?!

Мила укоризненно покачала головой:

– Женя, ты же все-таки не солдат, а красивая молодая женщина! Сейчас есть специальные салоны, там делают брови. В нашем возрасте это большая проблема.

Я искренне расхохоталась.

– Вот доживешь до моих лет... – слегка обиделась Мила.

– Обязательно доживу! – пообещала я. – Всем врагам назло.

Вообще-то у меня есть косметолог, и бровями своими я тоже занимаюсь – но так, от случая к случаю. Представив себе Валентину Фердинандовну, в прошлом партийного работника, гордо восседающую в кресле салона, я развеселилась окончательно.

– Ладно, Мила, сейчас мне нужно немного поработать.

Тетя поспешно поднялась:

– Ухожу, ухожу! Не буду тебе мешать!

– Ты мне вовсе не мешаешь. Наоборот – не могла бы ты мне помочь?

Мила всплеснула руками:

– Конечно! Буду рада! А что нужно делать?

Я окинула взглядом голубые кудряшки и ясные глаза тетушки и призналась:

– Я хочу написать несколько анонимных писем.

– Извини? – Мила склонила голову набок. Иногда у нее проблемы со слухом.

– Это не настоящие анонимные письма, – поспешно сообщила я. – Это мистификация.

Шутка, понимаешь?

Тетя внимательно взгляделась в меня. Я сделала непроницаемое лицо.

– Хорошо, – вздохнула тетушка. – Чем я могу помочь?

– Принеси мне, пожалуйста, резиновые перчатки, ножницы, клей и пару экземпляров той рекламной газеты, которую ты непонятно зачем забираешь из ящика.

– Мне жалко дерева, которые пошли на ее изготовление, – созналась Мила.

Следующие полчаса прошли крайне познавательно. Никогда в жизни я не занималась таким глупым делом. Взяв три одинаковых листа бумаги, я принялась вырезать из газеты буквы и приклеивать их вкривь и вкось. Я чувствовала себя первоклашкой на уроке труда, пыхла, злилась, высовывала язык, перемазалась клеем. Но результат получился превосходным.

С видом Леонардо, только что закончившего «Джоконду», я оглядела свое творение. Текст был примерно одинаковым, с небольшими вариациями: «Смерть идет за тобой. Тебе не спастись. Ты заплатишь за все. Мне все про тебя известно. Ты жди, скоро приду за тобой, расплата близко».

– Женя, ты уверена, что тебе ничего не будет за такое? – обеспокоенно разглядывая результат моего труда, спросила тетушка.

– Мила, не смейся. В нашей стране можно украсть миллиарды, быть заказчиком нескольких убийств, развалить отрасль экономики, развязать братоубийственную войну – и тебе за это ничего не будет, – огрызнулась я. – А тут какие-то бумажки. К тому же они не имеют никакой юридической силы. Их даже нельзя представить как доказательства чего-либо. Ты же юрист, ты должна понимать!

– О чем ты? – нахмурилась тетя.

– Это анонимные письма с угрозами, – терпеливо объяснила я. – Если бы я всерьез собиралась привести угрозы в исполнение, то письма могли бы служить обличающим меня материалом для следствия. А поскольку я не собираюсь выполнять угроз, это просто резаная бумага. Главное здесь – намерение, понимаешь?

– Вероятно, ты хочешь этими письмами кого-то напугать, – догадалась тетушка.

– Ты проникательна, как всегда! – Я чмокнула Милу в щеку, сложила послания в конверты, написала адреса (обратного, разумеется, не указала) и сказала: – Вернусь к обеду. Не скучай.

Сбежала по лестнице, прыгнула в «Фольксваген» и вырулила со двора. Письма я собиралась бросить в ящик подальше от дома – нечего светиться, кто знает, как повернется дело. Конечно, можно было бы опустить послания прямо в почтовые ящики моих «жертв», но мне не хотелось мелькать поблизости. Мой выход на сцену еще впереди.

Письма предназначались бывшим женам, а ныне вдовам Кирилла Ганецкого. Таковых у него имелось целых три. Я была знакома со второй – с Никой, а об остальных только слышала.

Мои письма должны были напугать женщин и заставить их предпринять определенные шаги. А именно – обратиться за помощью и защитой к Евгении Охотниковой.

Мне нужен доступ в дом Ганецкого, и я его получу. Пусть даже таким оригинальным способом, как охрана трех его вдов. У меня не было ни малейших сомнений, что они обратятся именно ко мне. Во-первых, в нашем городе больше нет женщин-телохранителей. Во-вторых, мы же вроде не чужие... И в-третьих, Ника сделает мне необходимую рекламу. Вдова номер два – очень активная женщина.

А пока я опустила три письма в ящик на главпочтамте, отъехала подальше, сняла перчатки и выбросила в ближайшую урну. Все, теперь остается только ждать.

Зато у меня будет время собрать информацию.

Принимая решение взяться за расследование – выполнить последнюю просьбу Кирилла, – я прекрасно понимала: со всем списком мне не справиться. Если я буду проверять каждого фигуранта, следствие будет идти до конца моих дней, даже если я помру в глубокой старости.

Требовалось отсортировать подозреваемых.

В списке имелись три жены покойного, двое школьных приятелей, с которыми Ганецкий поддерживал отношения, пятеро довольно солидных людей, с которыми Кирилл контактировал по работе, а также с десяток совершенно неизвестных мне личностей.

Не стоит забывать, что Ганецкий был в нашем городе фигурой заметной. Расследование его убийства уже ведется и будет проведено качественно. Путаться под ногами у полиции мне бы не хотелось – и без того слишком часто я вторгалась на их территорию. До сего дня мне это сходило с рук, но кто знает, как все повернется...

Так что я покрутила, подумала, просчитала расклад и решила так: середину списка, то есть друзей и деловых партнеров Ганецкого, я оставлю полиции. Если виновен кто-то из них, его, скорее всего, вычислят. Когда человек занимается не своим делом, из этого редко выходит что-то хорошее. Ты можешь быть акулой в бизнесе, но убийство... да еще при помощи огнестрельного оружия... Качественная баллистическая экспертиза может рассказать специалисту больше, чем свидетель. Так что поимка преступника в этом случае – просто вопрос времени.

Зато себе я оставила «голову» и «хвост» списка.

Все дело в том, что я знала Ганецкого. Не просто была знакома с ним, а знала хорошо. Знала, как он думает, как чувствует, как относится к окружающим. И на своей шкуре я поняла, на какие грабли чаще всего наступают те, кому не повезло в него влюбиться.

Может быть, для полиции три вдовы не выглядят подходящими кандидатурами на роль убийцы, но я так не считаю. Во-первых, слабая женщина способна выстрелить из пистолета ничуть не хуже мужчины. Во-вторых, я знаю, какой скотиной бывал иногда Ганецкий, и представляю, до чего могла дойти обиженная им женщина. Одно время я и сама видела во сне почти каждую ночь, как ломаю шейные позвонки неверному возлюбленному... Но я же не перешла к действиям!

На мой взгляд, в гибели Кирилла виновна одна из трех его жен. Полиции этого не понять, а я прекрасно понимаю.

Или я все же ошибаюсь и разгадку нужно искать именно в сфере деловых интересов покойного? А что, если причиной его смерти стало как раз противоречие между деловыми и личными интересами?

Как бы там ни было, гадать бесполезно. Надо получить информацию у того, кто был близок к Кириллу в последнее время. А это именно вдовы. Вот с них и начнем.

Следующие два дня я собирала информацию о трех главных женщинах в жизни Кирилла Ганецкого (не считая меня). Информации было негусто.

Первая жена Кирилла познакомилась с ним во времена студенческой юности. Лилия училась на том же факультете. Шалопай Ганецкий увлек серьезную отличницу с очками на носу, закружил, как он один это умел, и сбил с пути, который наметили девочке папа с мамой.

Лилия вышла замуж за Киру (этим идиотским именем его, как ни странно, называли все три жены), и даже бросила учебу. Сидела дома, гладила Кире брюки, крахмалила рубашки, варила домашние супчики с лапшой ручного изготовления.

Счастье было не слишком долгим – до первых больших денег. Когда собственный бизнес по торговле только входившими в моду компьютерами стал приносить устойчивый доход, Кира без сожалений оставил растолстевшую, скучную супругу и обратил заинтересованный взгляд на более интересный объект – стильную подчиненную.

Надо сказать, Ника была не из тех, кто стоит у стенки и ждет, когда пригласят на танец. На корпоративе она сама подошла к боссу – и вот уже въезжала на правах новой жены в только что отстроенный дом.

Ника умела удержать мужчину – она следила за внешностью, активно занималась фитнесом, была в курсе всех модных премьер и театральных новинок. Супруги Ганецкие иногда летали на громкую премьеру скандального спектакля в Питер или посещали Венскую оперу.

Но Ника старалась зря. Через несколько лет Кира заскучал.

Процедура развода была в полном разгаре, когда элегантный бизнесмен встретил меня.

Когда мы расстались, Кира упал в объятия супруги номер три – пухлой простушки, недавно окончившей среднюю школу. То ли Кира стал стареть и его привлекла юность веснушчатой Валентины, то ли все дело было в ее бюсте пятого размера. А может быть, Кириллу надоели сложные женщины, и после романа со мной он решил отдохнуть...

Надо сказать, даже прощаясь с очередной супругой, Ганецкий старался сохранить лицо и остаться джентльменом – по крайней мере, в глазах окружающих.

Лилия получила акции его компании и приличную сумму в зеленых американских рублях. Нике, которая после замужества не работала, а после развода, естественно, не могла вернуться на прежнее место в компанию Кирилла, был сделан щедрый подарок – фитнес-клуб, которым та успешно руководила. А Валентина получила броу-салон. Кстати, скорее всего, именно ей достанется процветающая компания Кирилла.

И только мне остались в наследство обиды и воспоминания, мешающие уснуть.

Впрочем, повторюсь, я бы не взяла от Ганецкого и ржавой скрепки.

В общем, два дня я ждала, пока «Почта России» выполнит свою неспешную работу, – первый звонок последовал вечером второго дня.

– Это вы – Евгения Охотникова? – деловито спросил детский голос. Я чуть было не сказала: «Девочка, прекрати баловаться и позови кого-нибудь из взрослых», но вовремя сообразила – первая рыбка попала на крючок.

– Да, это я. Слушаю вас, – изображая скуку и полное равнодушие, протянула я, хотя сердце у меня забилось чаще, чем обычно. Ключуло!

– Меня зовут Валентина Ганецкая, – тихо проговорила девушка. – Я жена... то есть вдова Кирилла. Вы же его знаете? То есть знали?

И вправду дуручка! Или прикидывается?

– Ну конечно, я его знала. Мы же виделись с вами на похоронах. Слушаю вас, Валентина... Простите, как вас по отчеству?

– Не надо по отчеству, – перепугалась вдова, – меня никто по отчеству не зовет. Даже девочки в салоне... Я слышала, что вы лучший в городе телохранитель. Это правда?

– Правда, – лаконично ответила я. А что? Это действительно так. И сейчас не время скромничать.

– Хорошо, – решительно сказала Валя. – Тогда я вас нанимаю.

– Простите, что? – удивилась я.

– Да вы не волнуйтесь, деньги у меня есть, – заторопилась вдова.

– Да я и не волнуюсь. А вам что, нужна охрана? – с лицемерным участием спросила я.

– Оказывается, нужна, – вздохнула Валентина. – Я думала, со смертью Киры все закончилось... Но сегодня я получила письмо...

– Какое письмо?

– С угрозами, – почти шепотом сообщила Валя. – И вот я подумала: я же теперь совсем одна. Защитить меня некому. А тут эти анонимки...

– Почему же вы не обратились в полицию?

– Не-ет, – протянула вдова. – Вы что, телевизор не смотрите? Знаете, что такое «глухарь»?

– Птица? – предположила я.

– Это нераскрытое убийство! – конспиративным придушенным голосом сообщила Валентина. – Вы думаете, они на самом деле ищут, кто убил Киру?

– Вообще-то да, – призналась я. – И скорее всего, найдут – может, не так быстро, как нам хотелось бы. Там работают дельные люди, профессионалы... Так вы хотите меня нанять?

– Да, хочу! – Валентина обрадовалась, что мы дошли до сути дела. – Деньги у меня есть...

Бедная девочка так часто это повторяла, что мне стало неловко.

– Хорошо, я в принципе не против. Сейчас я как раз свободна. Давайте так – я подъеду к вам завтра рано утром, часиков в восемь. Посмотрю, что и как. А до тех пор вы, пожалуйста, никуда не выходите. Договорились?

Валентина так явно обрадовалась, что мне стало неловко – обмануть эту дуручку не труднее, чем отобрать у ребенка конфетку.

Что ж, одна рыбка на крючке. Будем ждать, пока присоединятся остальные две.

На следующие утро я явилась в дом Ганецких. Надо сказать, до этого дня я никогда здесь не бывала. С Кириллом мы встречались либо на моей территории, либо во всяких экзотических местах. Дом был красив и вопиюще непрактичен – в точности как его покойный ныне хозяин. Достаточно сказать, что фасад был сделан из тонированного стекла – это в нашем-то климате! Дом представлял собой причудливую фигуру из стекла и камня, странный и завораживающе красивый. Видимо, архитектор внимательно выслушал все пожелания заказчика. Вот только с охраной здесь дело обстояло из рук вон плохо. Ни единой камеры, дом даже не был огорожен! Я приблизилась к двери и позвонила. Мне открыла очень полная женщина средних лет в черном платье, туфлях без каблука и с целой башней волос на голове.

– Доброе утро, я Евгения Охотникова.

– Проходите, Валечка вас ждет. – Женщина посторонилась, пропуская меня. Протискиваясь мимо ее обширного тела, я ощутила легкий запах можжевельника. Джин, с утра? Ну и ну! И почему это служанка зовет хозяйку Валечкой?

Вдова номер три уже встала и ожидала меня за утренним кофе.

– Присоединяйтесь! – радушно предложила мне юная вдова. Я присела за столик, на котором, кроме кофе, были булочки, масло, джем, пирожки, круассаны и еще много всяческой еды, которой хватило бы на роту новобранцев.

Страх никак не повлиял на аппетит девушки, Валентина уплетала плюшки.

– Лиля, налейте нашей гостье кофе.

Лиля?! Я внимательно взгляделась в служанку. Вот так сюрприз! За расплывшимися чертами угадывалась та самая девушка, на которой когда-то женился Кира Ганецкий.

Заметив мой заинтересованный взгляд, Валя пояснила:

– Да, не удивляйтесь. Я взяла Лилю на работу. Ей очень нужна была работа, вот и подумала – почему бы нам не помочь друг другу? Даже не знаю, что бы я без нее делала. Я такая непрактичная...

Еще бы, у Киры ты жила как за каменной стеной.

Интересно, получила ли Лилия мою анонимку? И если да, почему никак не отреагировала? Ее не так просто напугать, как простодушную Валечку? Или у вдовы номер один нет денег, чтобы нанять охрану?

Допив кофе, я аккуратно поставила чашку на блюдце и сказала:

– Что ж, я готова выслушать ваши инструкции.

– Какие... инструкции? – перепугалась Валентина. – Это вы мне должны давать инструкции, как мне себя вести!

Мне показалось или Лилия едва заметно усмехнулась?

– Я имела в виду ваш распорядок дня. Вы собираетесь куда-то выезжать? Может быть, ждете гостей? Мне нужно осмотреть дом. Какая у вас машина? Вы водите сами или ездите с шофером?

Валя нахмурила бровки и принялась прилежно перечислять:

– Машину я вожу сама, у меня «Тойота Королла», Кира подарил на прошлый день рождения. Обычно я через день езжу в салон, смотрю, хорошо ли идут дела. Еще у меня косметолог по понедельникам и массажистка по средам. Но сейчас, наверное, лучше все отменить?

И вдова вопросительно посмотрела на меня. У-у, как все запущено, как говорил наш инструктор по взрывному делу... Девочка не слишком горюет по мужу. Прошла всего неделя с его смерти, а у нее уже косметолог на уме.

– Что вы, Валентина, ведите обычный образ жизни. Моя задача в том и состоит, чтобы вы могли передвигаться куда угодно, а я обеспечу безопасность.

– Обычный образ жизни... – Вдова заморгала, на ресницах повисли слезинки. – Если бы Кира был жив...

Если бы Кира был жив, меня бы тут точно не было. Про себя я поклялась, что, когда все закончится, перечислю деньги, полученные за охрану вдовы, в какой-нибудь детский дом.

– Итак, куда вы сегодня планируете поехать?

Вдова промокнула слезы салфеткой и деловито распорядилась:

– Лиля, прибери тут. Я еду в салон.

Следующие несколько дней прошли без всяких происшествий. Валя вставала рано – видимо, не успела еще обзавестись сибаритскими привычками богатых. Делать ей было нечего, поездки в салон были единственным развлечением бедняжки. Шестью сотрудницами салона «Магик» Валя воспринималась скорее как подруга, чем как работодатель. Они называли друг друга «девочки», общались на «ты», целовались при встрече и так далее.

Однако салон приносил кое-какой доход, и Валентина чувствовала себя бизнесвумен. Интересно, что делами компании Кирилла девушка совершенно не интересовалась. Примерно на третий день я подкинула вдове мысль, что неплохо бы туда съездить. Проинспектировать, так сказать.

В «Пирамиде» – так называлась компания, да и помещалась в здании такой же формы, одна из придумок не в меру креативного владельца – нас никто не ждал. Когда новая хозяйка шествовала по коридору в моем сопровождении, сотрудники провожали нас удивленными

взглядами. Директор был предельно вежлив, угощал кофе, но с легким недоумением смотрел на вдову: что ей здесь надо?

Не прошло и получаса, как новая владелица пулей вылетела из здания.

– Ноги моей больше здесь не будет! – В машине Валентина промокнула злые слезы и привела в порядок прическу. Обретя опору в привычных заботах, девушка пожаловалась: – Они смотрят на меня как на идиотку! Если бы Кира был жив...

Эти слова вдова повторяла по несколько раз на дню. Замужем она пробыла всего год, но вся ее маленькая жизнь была сфокусирована вокруг Киры. Я представила, что было бы с этой дурехой, доживи Кира до своего обычного состояния – разочарования в бывшей возлюбленной, охлаждения и интереса к новой пассии, – и мне стало тоскливо. Все-таки ты был редкостной скотиной, Ганецкий... Обидеть такую девочку – это каким надо быть серым волком...

Сидя за рулем «Короллы», я искоса поглядывала на Валентину. А что, если Кира уже успел сделать первые шаги в этом направлении? Что, если Валечка узнала, что супруг нашел кого-то еще свежее и моложе? Хотя, кажется, дальше уже некуда.

На что способна такая незамысловатая девушка, как Валентина Ганецкая? Каких глупостей она успела натворить?

Да брось, Охотникова! Всюду тебе мерещится криминал. Ты только посмотри на эти ясные глаза, чистый детский лобик, пухлые губы бантиком. Ты всерьез веришь, что эта плюшка убила Кириллу? Две пули: одна в голову, одна в сердце?

Итак, я получила доступ в дом Ганецких, но толку от этого пока было немного. Сопровождая вдову повсюду, я старалась ее разговорить. Это было нетрудно – Валя с удивительной доверчивостью сливала мне сведения о своих родных и знакомых, о тех, с кем Кира общался в последнее время. Беда в том, что невозможно было отделить важное от несущественного. Возможно, в потоке Валечкиной болтовни и таились крупницы бесценной информации. Но толку было мало.

А вот с Лилией у меня никак не получалось. Обнаружив вдову номер один в доме Ганецких, я поначалу обрадовалась: вот сейчас я ее расколю! Но Лилия не шла на контакт, держалась отстраненно и, кажется, побаивалась меня.

Для полного комплекта мне не хватало второй жены Кириллы – Ники. Я точно знала, что та получила письмо – Валя мне призналась, что сначала позвонила ей, а потом уже набрала мой номер. Ника отмахнулась и сказала, что все это чушь и бояться нечего.

Вдова номер два оказалась крепким орешком. Поскольку все три были мне нужны вместе, пришлось перейти к активным действиям.

Поэтому я для начала ознакомилась с прогнозом погоды на ближайшую неделю. Вечером следующего дня я попрощалась с Валентиной и вывела «Фольксваген» со стоянки перед домом. Было уже довольно поздно, но пока еще недостаточно – для моих коварных замыслов. Поэтому я выждала до половины одиннадцатого, а потом поехала к фитнес-клубу «Зена», хозяйкой которого была вдова номер два. Несмотря на кризисные времена, парковка перед «Зеной» была забита под завязку. Значит, клуб процветает. Лично меня в него и калачом не заманишь! Агрессивная реклама меня скорее раздражает, а «Зена» позиционировалась так: как только ты покупаешь абонемент на годик, уже можешь считать себя крутой и неотразимой! Видимо, тягать железо уже не обязательно...

Любительницы вечернего фитнеса одна за другой прыгали в роскошные средства передвижения и отъезжали, вскоре на парковке осталась всего одна машинка – броская «Пежо»-кабриолет со стеклянной крышей. Вдобавок поднимался туман, что идеально соответствовало моим целям.

Окна в клубе гасли одно за другим. Здание покинули даже уборщицы – толпа энергичных теток, громко переговариваясь, преследовала к остановке трамвая.

Наконец показалась та, кого я ждала. Ника Ганецкая шла к своей машине. Сильная женщина, когда ее никто не видит, – интересное зрелище. Ника шла, ссутулившись и шаркая ногами. Она не замечала ничего вокруг и явно мечтала поскорее оказаться дома, скинуть ненавистные туфли и перелезть в халат и тапочки. Осталось только доковылять до «Пежо» и на автопилоте доехать до дома.

В этот момент послышался звук мотора, и из тумана вылетела машина с погашенными фарами. Было темно, так что разобрать цвет и марку машины, не говоря уже о номерах, не смог бы и сам индеец Соколиный Глаз. Туман искажал очертания и расстояния, и бедной Нике казалось, что темная машина вот-вот собьет ее.

Но я свое дело знаю: бампер прошел в полутора метрах от женщины – достаточно, чтобы напугать, и есть небольшое пространство для маневра на случай, если Ника вдруг шарахнется в сторону.

Как черная тень, я пронеслась мимо вдовы номер два и скрылась в тумане. Остановилась, заглушила мотор и прислушалась.

Сначала царил напряженная тишина. А потом из тумана донеслась забористая ругань по адресу понаехавших и понакупивших права. Да, кремь тетка! Но есть одна проблема – Ганецкая не сообразила, что машина без огней – не случайность. Придется повторить.

Я развернулась и поехала обратно. На этот раз я включила фары на расстоянии двух метров от женщины. Слепленная близким ярким светом, Ника меня не разглядит, а вот я видела ее прекрасно. Успела увидеть побелевшее лицо Ники, руки, судорожно сцепившиеся в сумочку, закушенные губы – и унеслась в туман.

Ну все, с нее достаточно. Если и на этот раз до Ники не дойдет, что ее пытались убить, то уж не знаю, что делать. Придется расчехлять снайперку и делать дырку в ее шляпке...

Вернувшись домой с чувством выполненного долга, я сварила себе кофе и уселась ждать звонка. Он последовал минут через двадцать – как раз столько времени понадобилось Нике, чтобы вернуться домой и осознать: она совсем одна, беззащитна, несмотря на свой имидж Зены – королевы воинов, и какой-то урод хочет причинить ей вред.

– Але, Женья? Не спишь?

– Кто это? Ах-ах-ах. – Я талантливо изобразила зевоту. – Вы знаете, который час?

– Женька, да проснись ты, это я, Ника! – нетерпеливо проговорила Ганецкая. – Меня только что пытались прикончить!

– Да ладно, – изобразила я недоверие. – Кому ты нужна-то?

Ника с минуту подумала, потом сменила тактику:

– Жень, прости, я знаю, ты меня не любишь... Но мне угрожает реальная опасность. Дело в том, что я тоже получила эту анонимку с угрозами. Точь-в-точь как у Валентины и Лильки. Но я решила – какой-то псих развлекается... Как оказалось, зря. Полчаса назад он пытался меня убить. И теперь только ты можешь мне помочь.

– Извини, Ника, – я добавила в голос сладкого яду, – дело в том, что я немного занята. У меня сейчас есть клиент. Я охраняю Валентину. Ну еще и Лилию по совместительству. Раз уж она рядом. Так что на тебя у меня времени нет.

Ника немного подумала. Видимо, перебирала в голове варианты, к кому еще можно обратиться. Но Ганецкая привыкла получать все самое лучшее, а лучшее в нашем городе – это Евгения Охотникова. Все же, в отличие от остальных жен Киры, эта обладала высоким интеллектом, так что решение нашла быстро:

– Хорошо. Давай так – я переберусь к Валентине, и ты будешь работать на всех нас. Эта дурочка все равно сидит дома, а другая при ней. А мне нужно на работу ездить, меня люди ждут, на мне столько всего завязано... В общем, ты мне нужна. Просто необходима. Платить буду, сколько скажешь. Не в моем положении капризничать, понимаю.

– А как Валентина отнесется к тому, что ты вселишься в ее дом?

– Прекрасно отнесется! – решительно завила Ника. – Пусть только попробует что-нибудь вякнуть.

На следующий день я специально приехала пораньше, чтобы видеть все своими глазами. Ника была права – слабые попытки Валечки отстоять свою независимость были подавлены немедленно, и Ника расположилась в гостевых апартаментах на втором этаже.

Между тем наступило Восьмое марта – день рекордной выручки продавцов цветов, день головной боли мужчин и завышенных ожиданий женщин. Фитнес-клуб в этот день не работал, да и в салоне бровей жизнь кипела только до полудня. Так что все три вдовы собрались наконец вместе. Ника организовала все со свойственной ей энергией – отпустила по домам обслугу, заказала еду из ресторана, включила музыку и заявила:

– Девочки, давайте праздновать! Гори оно все синим пламенем, один раз живем!

С этим трудно было не согласиться. «Девочки» согласились и вскоре сидели за одним столом, где высились горы закусок (на диету решили в это день наплевать) и шеренги бутылок (здоровый образ жизни тоже отложили до лучших времен).

Судя по несколько истеричному градусу веселья, я напугала трех граций не на шутку.

Немного стыдно, ведь я завлекла этих дур в ловушку. Мое письмо, обманчиво простое и туповатое, на самом деле содержало несколько психологических «мин-ловушек»: «Смерть идет за тобой. (Первая фраза должна была с ходу вызвать шок.) Тебе не спастись. (Безнадежность, ощущение собственной беспомощности перед всемогущим и невидимым противником.) Ты заплатишь за все. (За что? Поскольку мне ничего конкретного не известно, приходится выражаться так туманно.) Мне все про тебя известно. (Ладно, у каждого есть что скрывать, и никому не хочется, чтобы интимные тайны стали достоянием всех, а при обращении в полицию избежать этого не удастся.) Ты жди, скоро приду за тобой. (Ну это чисто психологический прессинг, нагнетание ужаса.)».

Итак, три грации в сборе. Не могу понять, что общего у всех этих женщин? Что нашел в них ветреный Ганецкий?

Вот Лилия – выглядит старше, чем на самом деле, под глазами темные круги, в волосах седина. Мешковатое платье, старомодная прическа. Собранная информация помогла мне выяснить: после расставания с Кириллом Лилия несколько лет пила. Ведь у нее не было ни образования, ни работы, ни детей, вообще ничего, ради чего стоило бы жить. Только Кира. Но Кира ушел к другой – длинноногой стильной хищнице, и Лилия совсем растерялась. Наследство Киры она как-то удивительно глупо потратила. Женщина опускалась все ниже. Несколько последних лет о ней вообще ничего не было слышно. На что она жила? Чем занималась? Была у нее какая-то тетка в Костроме. Может, первая жена Кирилла жила у нее? И вот Валечка наняла ее на работу.

Теперь Ника. Белые волосы подстрижены так коротко, что их почти и нет. Стильные очки, модный брючный костюмчик. Идеальный маникюр, на пальцах платиновые кольца. То, что она испугалась моих угроз, вовсе не доказывает, что женщина не причастна к смерти Ганецкого. А то, что не испугалась с первого раза, скорее подтверждает мои подозрения. Ника волевая, резкая, взрывная. В состоянии аффекта способна на агрессию. Помню, однажды она хотела меня ударить. Ну-ну. Больше таких глупостей дамочка не делала, но мы обе помним тот случай. Кстати, я выяснила, что года два назад у Ники появилось новое хобби – стрельба по тарелочкам. По субботам Ганецкая ездит в загородный клуб и в компании таких же любителей пострелять проводит выходной. Не слишком типично для женщины, особенно у нас в провинции! Одна в голову, одна в сердце – на такое Ника вполне способна. Пожалуй, она подозреваемая номер один.

Валентина. Светлые кудряшки, голубые глаза. Если виновна она, то тут замешан еще кто-то. Явно не эти пухлые пальчики нажали на курок. Значит, где-то рядом мужчина, который задурил бедной Валечке голову.

И я тут. Мы все, сидящие за этим столом, связаны с покойным – любовью, обидами, старыми счетами. Я ведь тоже вхожу в число этих граций... Можно сказать, я четвертая грация!

Поскольку разговор то и дело соскальзывал на всякие не относящиеся к делу предметы – цены, тупых подчиненных и массажистку Милочку, я решила навести беседу на главного виновника нашей встречи. Поскольку обстановка была неформальная и все три вдовы к этому моменту находились, что называется, под мухой, я подняла рюмку и сказала:

– Давайте помянем Кирилла.

Три грации послушно подняли свои рюмки.

– До дна, и не чокаясь! – строго сказала Лилия.

– А все-таки сволочь он был, дорогой наш, – скривилась Ника.

– Пусть земля ему будет пухом! – Валентина подняла к потолку густо накрашенные глаза и вздохнула. Залпом опрокинула в себя рюмку и укоризненно произнесла: – Ника, я бы тебя попросила не говорить так о Кире.

Вдова номер два немедленно вскипела:

– Да что ты понимаешь! Ты еще недавно в школу ходила, задачки решала про синус и косинус. Ты многого про него не знаешь.

– Кира мне доверял и всем со мной делился, – с апломбом сказал Валечка.

– Ха! – скривилась Ника. – Он просто не успел тебя кинуть, как кидал всех, кто его любил, кто ему доверял. Вот и все. Подожди, еще полгода, и он бы тебя сменил на очередную подружку жизни.

– Это неправда, что Кира всех кидал! – вступилась за любимого Валентина.

Ника повернулась к Лилии и заговорщически подмигнула. Все-таки дамы уже порядком надрались.

– Ты посмотри, она его еще и защищает. Совсем ничего не понимает!

Лилия сочувственно кивнула, но промолчала – вполне благоразумно, учитывая, кто ей каждый месяц выдает зарплату в конвертике. Нику было уже не унять:

– Да он партнера собственного, с которым они «Пирамиду» вместе придумали, с которым в одной общаге жили, через колено сломал!

– Надо же, а я и не знала, что Кирилл приезжий и жил в общаге, – искренне удивилась я.

– Да, пока на Лиле не женился! Кстати, стартовый капитал под «Пирамиду» ему Лилин папочка дал, – язвительно произнесла Ника. – Рассказать, как он отблагодарил Лилечку?

– К тебе ушел? – простодушно спросила Валентина.

Ника закашлялась. Лиля, добродушно усмехаясь, похлопала бывшую соперницу по спине.

– Так что там с партнером? – не утерпела я.

– Ваня Соловейчик, такой головастый был парнишка, – припомнила Ника, – учился с нами на мехмате. Надежды подавал, его на кафедру звали. А Кирилл его к себе сманил. «Зачем тебе эта заплесневелая кафедра? – передразнила Ника, кстати, очень похоже. – Давай деньги делать. За нами будущее!»

– И что? – заинтересовалась я. Надо же, впервые слышу эту историю! Права Ника – можно сколько угодно считать себя близким человеком Кирилла Ганецкого, все равно окажется, что он тебя провел, обманул, подставил, кинул, что-то от тебя утаил.

– Да ничего! Когда «Пирамида» стала приносить реальные деньги, Кира решил, что с партнером делиться накладно. И сбросил его.

– Как это – «сбросил»?

– Ты что, не знаешь, как у нас такие дела проворачивают? – усмехнулась Ника. – Я же ему и помогала. Ладно, дело давнее, могу рассказать. Кирилл организовал наезд на собственную фирму. Проверки шли одна за другой. Пришел к Ване и говорит: «Видишь, брат, что творится? Видимо, кто-то разевает пасть на нашу «Пирамиду». Административный ресурс использует.

Давай спасти наше детище». И предложил схему – перевести все на подставное лицо. Дескать, выведем себя из-под удара, а там и время выиграем, и сами административный ресурс задействуем.

– И это подставное лицо – человек Ганецкого, – сообразила я.

– Акции владельцы продали по бросовым ценам. Для вида, для налоговой и антимонопольного комитета. А когда опасность вроде бы миновала, Ваня пришел к Кириллу: «Давай-ка все вернем обратно». А тот: «Не понимаю, ты свои акции продал, деньги получил. Чего тебе еще?»

– Красавец! – восхитилась я бывшим возлюбленным.

– Ваня еще долго за ним ходил, адвокатов нанимал, но все было зря. Кирилл умел подстраховаться – документы были в полном порядке, факт продажи зафиксирован во всех реестрах...

– И где Ваня сейчас?

– Думаю, в Силиконовой долине, – пожала плечами вдова номер два. – После такого урока он резко поумнел и свалил.

Я задумалась.

– Слушай, а кто был тот подставной человек, на которого оформили «Пирамиду»?

– Я, – пьяно оскалилась Ника.

Я поспешно опрокинула в себя рюмку водки.

– Кирилл быстренько все вернул на место, как только Ваня уехал. Так что я была вице-председатель. Знаешь, через месяц мы поженились – Кира сказал, что оценил мою преданность. Но после этого я ушла из «Пирамиды». И при разводе попросила у него не акции, а фитнес-центр. Не хочу иметь с этим ничего общего. Даже для меня это слишком.

Ника схватила бутылку «фанты» и жадно припала к горлышку.

Утолив жажду, женщина заметно оживилась:

– Знаешь, я тут еще одну историю припомнила... Как Кира к родственникам относился.

– А у него были родственники? – удивилась я. В жизни не слыхала ни про каких родных!

– У всех есть родственники, – строго сказала Ника. – Родители Кирилла к тому времени уже умерли. Осталась какая-то родня в Балахове, ну, городке, откуда он родом. Так вот, эти тетка с дядей в девяностые заделались фермерами. Набрали кредитов, накупили техники, землю взяли в аренду. И влетели в неприятности. То ли на эту землю кто-то из начальства глаз положил, то ли делиться с кем надо не захотели... Они скорее к Кириллу: «Родной, помоги! Мы люди темные. Деревня. А ты с такими людьми на теннис ходишь...» Кира отказал. В общем, убили их. Подстроили аварию, и оба они – и муж, и жена – насмерть. Вот тебе и родня...

– Так, девочки, хватит негатива! – решительно сказала Лилия. – Давайте танцевать!

Вдова номер один включила музыку.

«Снова стою одна, снова курю, мама, снова!» – запела Ваенга.

Я поспешно поднялась. Думаю, на сегодня хватит.

– Голова кружится, – пожаловалась Ника. Еще бы! Дозы спиртного, какую приняла стильная дамочка, хватило бы ломовому извозчику. – Женя, п-проводи меня. Хочу голову п-проветрить.

– Да не нужен тебе провожатый, – легкомысленно отмахнулась я. – Сама дойдешь.

Ненавижу нянчиться с пьяными.

– Ты что? – Ника округлила глаза. – А вдруг там снайпер?!

Вот ведь как хорошо сработала моя легенда о злодее, который охотится за беззащитными вдовами...

Опираясь на меня, Ника вышла в небольшой сад, украшавший дом с тыла. Как все у Ганецкого, сад был тоже какой-то экзотический – сплошь лиственницы, можжевельник и прочие колючки, ни одного нормального растения. В сумерках рогатые туи выглядели особенно

зловеще – казалось, за ними кто-то прячется. Если бы я не знала, что единственный источник угрозы для трех граций – это я сама, то самое время было бы проявить повышенную бдительность...

Мой «Фольксваген» одиноко грустил на стоянке.

– Постой-ка, – сообразила я, – а где твоя тачка? Ты же не пешком сюда пришла?

– А, в гараже стоит, – отмахнулась Ника. – Слушай, какая ночь, весной пахнет... А пошли прогуляемся, а?

– Да погоди ты... Как – в гараже? Здесь гараж на три машины. Там стоят «Ягуар» и «Порш» Кириллы и «Королла» Валентины. Куда ты свою машину втиснула?

– Никакого «Ягуара» там нет. – Ника пожалла плечами и икнула. – Наверное, Кира его продал.

Ага, сейчас! В жизни не видела бы человека, настолько влюбленного в машину определенной марки. Свой «Ягуар» Кира облизывал от колес до бардачка и ни за что бы не продал. Скорее он продал бы Валентину.

С трудом дождавшись, когда у Ники пропадет охота гулять, я проводила ее в дом и даже сопровождала до комнаты. Закрыв за вдовой номер два дверь, я вздохнула с облегчением. Не женщина, а динамитная шашка! На редкость непредсказуемая особа. Надо же, насколько Ганецкий ей доверял, если решил перевести акции именно на Нику... До чего же грязная история!

Надо на всякий случай проверить, где сейчас Ваня Соловейчик, которого Кира научил особенностям национального бизнеса. Действительно в Силиконовой долине или где-то еще? Может ли он находиться, к примеру, в Тарасове?

Я вернулась к компании. Лиля уже убирала со стола, Валентина допивала сок. Спиртного девушка почти не пила, была бледненькой и грустной.

– Валя, скажите, где «Ягуар» Кириллы?

Вдова номер три вскинула на меня заплаканные глаза и равнодушно сообщила:

– Его угнали.

– Как – угнали? Когда угнали?

– Еще Кира был жив... За день до его смерти. – Валя всхлипнула. – Он был так расстроен... Очень любил эту машину. Я даже ревновала немножко.

– Понимаю вас. Он заявил в полицию?

– Конечно, – удивленно поглядела на меня Валентина. – Только теперь это уже не важно...

Дождавшись, пока Валя скроется в свою комнату, я прикинула, стоит ли рисковать, нарываясь на первого встречного инспектора ДПС, или лучше переночевать здесь. Пусть я выпила всего пару рюмок, но здравый смысл победил.

– Лилия, устройте меня где-нибудь на ночь, – попросила я домработницу. Та приветливо улыбнулась, открыла комнаты для гостей и принесла чистое полотенце. Я улеглась на кровать, закинула руки за голову и задумалась.

Кажется, дело сдвинулось с мертвой точки.

Не зря, все было не зря! Не напрасно я писала анонимные письма, пугала бедных женщин. В пустой породе женской болтовни все же блеснула та самая крупница золота – ценная информация, возможно, даже ключ к тайне гибели Кириллы.

Почему я придаю такое значение угону машины? Все просто.

Все дело в маленькой черной пантере на заднем крыле моего «Фольксвагена».

Ее нарисовал по моей просьбе знакомый художник. С тех пор я куда спокойнее сплю и не волнуюсь за судьбу моего железного друга.

Какие машины угоняют чаще всего? Обычные, распространенных марок, неприметные, не имеющие ярко выраженных особенностей.

«Фольксвагенов» в нашем городе немало, но такой, с пантерой, всего один. Если его уведут, броская примета позволит перехватить машину, не успеют злоумышленники довести ее до выезда из города.

С «Ягурами» дело обстоит еще интереснее. Таких машин – дорогих, не приспособленных для езды по провинциальным дорогам – в Тарасове всего несколько штук. Угонять такую тачку – глупость несусветная. Угон сойдет с рук только в одном случае – если точно знаешь, что владельца вот-вот убьют.

Глава 3

Следующее утро выдалось на редкость хмурым. Валентина встала к завтраку. Подумала и решила, что в салон сегодня не поедет – все равно после праздника там затишье. Ника проснулась поздно, вышла с больной головой и принялась срывать злость и плохое настроение на окружающих. На работу она явно не собиралась. Лилия неслышно скользила по дому, наводя порядок.

Поскольку вчера женщина почти не притронулась к спиртному, я выбрала ее как наиболее подходящий объект для разговора.

– Смотрю, вы все делаете сами, – участливо произнесла я. – Такой большой дом... Как это вы справляетесь?

Лилия, не поднимая глаз, продолжала тереть тряпочкой залитый «фантой» стол.

– Валентина Борисовна рассчитала весь штат на следующий день после смерти Кирилла. И наняла меня. Мне поручено набрать новый персонал, и сегодня я этим займусь.

Так-так! Чрезвычайно подозрительно. С чего бы это юной вдове увольнять всех слуг скопом? Да еще сразу после смерти хозяина дома?

Неужели в смерти Кирилла замешан кто-то из слуг? Ага, дворецкий, как в английском детективе... Нет, только не это! Расследование займет лет десять...

Итак, пора действовать:

– Валя, мне нужно с вами серьезно поговорить.

Вдова номер три испуганно посмотрела на меня:

– Что-то случилось?

Да, случилось! Твоего мужа убили. И если так пойдет и дальше, убийца останется безнаказанным...

– Речь о вашей безопасности, – строго сказала я.

Валентина послушно поднялась и подошла ко мне. Лиля скрылась на кухне. Ника сидела, закинув ноги на сиденье кресла напротив, и лениво ощипывала растение в горшке.

– Мне в этом доме дадут наконец кофе? – тоном балованной девочки протянула вдова номер два.

– Сейчас сделаю. Вам с молоком? – послышался голос Лилии.

– Я пью только черный и без сахара! Пора бы и запомнить, – укоризненно сказал Ника.

– Давайте побеседуем в более спокойном месте, – предложила я.

Валя подняла на меня голубые глаза и неуверенно протянула:

– Можно пройти в кабинет Киры.

– Отлично, – обрадовалась я. Вот где я еще не бывала! Интересно посмотреть.

Кабинет располагался на третьем этаже. Пользуясь случаем, я еще в первый день осмотрела дом от бойлера в подвале до антенны на крыше, но ничего необычного или подозрительного не нашла. А эту комнату я ни разу не видела открытой. Конечно, можно было бы подобрать ключик к тяжелой дубовой двери, но мне не хотелось проникать туда таким вот способом.

Валентина скрылась в спальне, спустя пару минут принесла ключ и отперла тяжелую дверь. Я переступила порог кабинета. Там было довольно уютно: легкая удобная мебель, какое-то необыкновенно эргономичное кресло, стеклянный изогнутый стол, на нем компьютер. Обитый кожей диванчик – такие стоят в приемных. Полки с книгами – в основном любимая Кириллом еще со студенческих лет научная фантастика. Ничего интересного или подозрительного. Почему кабинет закрыт на ключ?

– А почему кабинет заперт? – как бы между делом поинтересовалась я.

– Кира не выносил, когда сюда входил кто-то посторонний. Даже я, – вздохнула Валентина. – В последнее время Кира часто запирался здесь и сидел за компьютером. Выходил сердитый, недовольный. Я боялась спрашивать... Так о чем вы хотели поговорить?

Валя покосилась на массивное кресло, но садиться в него не рискнула. Мы присели на диванчик.

– О вашей безопасности, Валентина Борисовна, – строго сказала я.

– Но ведь вы же... вы же меня охраняете.

– Я не могу вас защищать двадцать четыре часа в сутки. Отнеситесь к этому вопросу серьезно. Кирилл явно пренебрегал собственной безопасностью – у вас в доме нет тревожной кнопки, нет безопасной комнаты. Сигнализация есть, но вы наверняка включаете ее, только когда уезжаете в отпуск.

– Я не знаю, – пробормотала Валя. – Я никогда еще не ездила с Кириллом в отпуск... Мы собирались на Тенерифе в мае...

Слезы закапали из глаз вдовы на пухлые ладошки. Так, теперь мне еще и придется утешать это несчастное дитя... Я под села к девушке и обняла ее за плечи. Надо же, эта дуреха и вправду любила ветреного Киру...

– Валя, не плачьте. Вам нужно быть сильной.

Вдова вынула платочек, утерла слезы и храбро улыбнулась дрожащими губами:

– Да, вы правы... Мне бы хотелось быть похожей на вас, Евгения Максимовна...

О нет! Давайте-ка побыстрее закончим этот разговор. Не выношу сцен.

– В общем, так. Вам следует установить в доме хорошую систему безопасности. Камеры видеонаблюдения. Нормальную сигнализацию. Безопасную комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.